

Н. Н. Серегин

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, Барнаул, 665049, Россия*

nikolay-seregin@mail.ru

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ «МИНУСИНСКОГО» ЛОКАЛЬНОГО ВАРИАНТА КУЛЬТУРЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ТЮРОК: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ*

Представлен опыт реконструкции процессов формирования «минусинского» локального варианта археологической культуры раннесредневековых тюрок. Историографический анализ имеющихся концепций показал дискуссионность многих вопросов в рамках обозначенной тематики. Рассмотрение характерных особенностей предметного комплекса из памятников тюрок на территории Минусинской котловины позволило выделить группу «ранних» объектов, датирующихся в рамках второй половины VI – первой половины VII в. Проведенное исследование погребений Среднего Енисея способствовало обозначению их связи с традициями населения булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийского времени. Близкие аналогии прослеживаются в особенностях сооружения погребальных конструкций, а также в ритуале захоронения. Результаты, полученные в ходе изучения археологических материалов, соотнесены со сведениями письменных источников. Представляется возможным предположить, что сложение «минусинского» локального варианта произошло в результате военной операции, реализованной при участии населения булан-кобинской культуры, вошедшего ранее в состав общности раннесредневековых тюрок, но сохранившего некоторые показательные элементы погребальной обрядности.

Ключевые слова: Алтае-Саянский регион, Минусинская котловина, раннее Средневековье, тюркская культура, локальный вариант, погребальные памятники, предметный комплекс, реконструкция.

История Минусинской котловины во второй половине I тыс. н. э. связывается, главным образом, со становлением и развитием общности кыргызов, оказавших большое влияние на политическую и этнокультурную ситуацию в Центральной Азии. Однако не менее важным сюжетом рассматриваемого периода является присутствие на Среднем Енисее тюрок – основателей крупнейших кочевых империй того времени. Несмотря на то, что памятники тюркской культуры в Минусинской котловине известны с XVIII в. и их исследованию посвящена обширная литература, многие аспекты суще-

ствования кочевников обозначенной общности в данном регионе изучены весьма фрагментарно. В частности, открытой остается проблема происхождения «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок, включающая комплекс вопросов, связанных с определением времени его сложения, уточнением компонентов, принявших участие в этом процессе, реконструкцией исторического контекста. Попытке обобщения исследовательского опыта, а также решению отдельных проблем в указанном направлении посвящена настоящая работа.

* Исследование проведено при поддержке Минобрнауки РФ (постановление № 220, проект № 2013-220-04-129).

Серегин Н. Н. Специфика формирования «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок: опыт реконструкции // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 5: Археология и этнография. С. 177–185.

Анализ археологических памятников раннего Средневековья позволяет сделать вывод о сложении на территории Минусинской котловины локального варианта тюркской культуры, условно обозначаемого как «минусинский» [Худяков, 2004. С. 89; Серегин, 2012]. В работах многих исследователей представлен опыт систематизации материалов раскопок раннесредневековых комплексов Среднего Енисея. В числе прочих решался вопрос о времени и обстоятельствах появления тюрок в этом регионе. Наиболее последовательно представлена позиция ученых, придерживающихся точки зрения о том, что носители обряда захоронения в сопровождении лошади проникли на территорию Минусинской котловины не ранее VIII в. [Худяков, 2004. С. 89; Нестеров, 1985. С. 118; Митько, Тетерин, 1998. С. 403]. Трактовка исторических обстоятельств при этом различная. По мнению Ю. С. Худякова, поддерживаемого в настоящее время многими исследователями, тюрки появились на Среднем Енисее в результате военного похода 710–711 гг., известного по материалам письменных источников [2004. С. 94]. С. П. Нестеров предположил, что ключевым событием стал распад II Восточно-Тюркского каганата в середине VIII в. [1985. С. 118].

Гораздо менее распространенной является точка зрения о раннем появлении тюрок в Минусинской котловине. Впервые такая позиция была представлена в монографии А. А. Гавриловой. Исследовательница отнесла к «кудыргинскому типу могил» объекты нескольких некрополей Среднего Енисея, включив в круг комплексов этого периода ряд заведомо более поздних памятников [1965. С. 58–59]. Д. Г. Савинов датировал наиболее ранние погребения тюрок на территории Минусинской котловины VI–VII вв., связав проникновение «какой-то группы алтайского населения на Средний Енисей» с завоеванием владения Цигу Мухан-каганом в середине VI в. [Кляшторный, Савинов, 2005. С. 232].

В работах указанных специалистов в той или иной степени раскрыты особенности погребальной и поминальной обрядности тюрок на территории Минусинской котловины, однако объяснения зафиксированным характеристикам не представлены. Остались дискуссионными и другие аспекты, частич-

но обозначенные выше. Учитывая важность детального изучения происходивших на Среднем Енисее культурных процессов для понимания раннесредневековой истории всего Центрально-Азиатского региона, очевидна необходимость решения накопившихся вопросов путем проведения специального исследования.

Осуществление объективной реконструкции хода формирования конкретной общности по археологическим источникам требует анализа материалов всех известных памятников. При этом наиболее информативными являются хронологически ранние объекты, сохранившие совокупность показателей, отражающих сложение характерных черт обрядовой практики. Известно, что в археологических материалах процесс становления культурных традиций зачастую отражен весьма фрагментарно. Тем не менее детальное исследование позволяет зафиксировать необходимые характеристики, являющиеся основой для дальнейших заключений.

Ранние памятники тюркской культуры Минусинской котловины датируются в рамках кудыргинского этапа в развитии данной общности (вторая половина VI – первая половина VII в.). Комплексы этого периода в рассматриваемом регионе, как и на сопредельных территориях, весьма немногочисленны. В Минусинской котловине к ним могут быть отнесены объекты, раскопанные на памятниках Усть-Тесь [Киселев, 1929. С. 146], Белый Яр II [Поселянин и др., 1999], Терен-Кель [Худяков, 1999]. Обозначенная датировка погребений основывается на анализе характерных форм предметов сопроводительного инвентаря, главным образом, конского снаряжения (удила со стержневыми, с несколько загнутыми концами, роговыми и костяными псалями; стремяна; украшения узды) [Серегин, 2012. С. 536–537]. Имеющихся материалов достаточно для определения хронологии рассматриваемых памятников в рамках кудыргинского этапа с возможным «заходом» в середину VII в. Дополнительным, хотя и косвенным, признаком можно считать отсутствие в погребениях элементов предметного комплекса, получивших широкое распространение во второй половине VII – первой половине VIII в., прежде всего, характерной поясной гарнитуры «катандинского» типа.

Погребальная обрядность, зафиксированная при исследовании ранних комплексов тюрок на территории Минусинской котловины, не включает каких-либо характеристик, резко отличающих памятники этого периода от объектов данного региона более позднего времени. Поэтому представляется возможным говорить о том, что основные показатели наземных и внутримогильных сооружений, а также погребального ритуала населения «минусинского» локального варианта сложились уже на кудыргинском этапе. Представим суммарную характеристику захоронений Минусинской котловины второй половины VI – первой половины VII в., с акцентом на рассмотрении традиций, не типичных для обрядовой практики кочевников тюркской культуры на сопредельных территориях, что в дальнейшем станет основой для заключений о специфике формирования локального варианта.

При исследовании ряда некрополей тюркской культуры Минусинской котловины, в том числе одного из ранних комплексов [Поселянин и др., 1999], отмечены некоторые особенности взаимного размещения объектов. Курганы расположены компактно на ограниченном пространстве, зафиксированы также смежные насыпи, образующие своего рода «соты» [Митько, Тетерин, 1998. С. 380]. Такая планиграфия не характерна для могильников раннесредневековых тюрок на других территориях распространения общности. Нетипичной также является подквадратная форма насыпей-оград, отмеченная при раскопках отдельных памятников Минусинской котловины. Более стандартные внутримогильные конструкции ранних погребений тюрок на Среднем Енисее. Почти во всех захоронениях с лошастью животное находилось на невысокой приступке, выше человека. Для «одинокых» погребений (без лошади) характерна простая могильная яма. Погребальная камера представлена в ряде памятников кудыргинского этапа в виде гроба. В одном захоронении зафиксирован подбой.

Показательным элементом обрядовой практики населения «минусинского» локального варианта является погребальный ритуал. Анализ совокупности таких характеристик, как ориентировка и взаимное расположение умершего человека и сопровождавшей его лошади показывает, что во второй половине VI – первой половине

VII в. у раннесредневековых тюрок Среднего Енисея произошло сложение стандарта погребального ритуала, отличного от традиций кочевников рассматриваемой общности на других территориях [Серегин, 2010. С. 177]. Для обрядовой практики кочевников рассматриваемой общности Алтая, Тувы и Монголии (более 60 % объектов) были характерны ориентировка человека в восточный сектор горизонта, противоположное направление лошади и расположение животного слева от умершего. Материалы раскопок погребений тюркской культуры Минусинской котловины демонстрируют другое сочетание показателей: человек и сопровождавшая его лошадь (или овца) направлены головой на запад, причем животное чаще находилось справа. Другой отличительный признак – лошадь в раннесредневековых захоронениях на Среднем Енисее нередко лежала на боку, в то время как в комплексах, раскопанных на сопредельных территориях, преобладало положение «на животе».

Обозначенные черты погребальной обрядности сохранились и получили продолжение на последующих этапах развития «минусинского» локального варианта. Закономерным является вопрос о причинах таких серьезных отличий традиций населения тюркской культуры на Среднем Енисее от стандартных характеристик памятников рассматриваемой общности на сопредельных территориях. Логичным представляется предположение о том, что зафиксированная специфика ряда черт погребального обряда связана с особенностями процессов формирования локального варианта, а именно компонентов, принявших в этом участие.

На наш взгляд, ответ на данный вопрос требует обращения к результатам раскопок памятников предшествующего хронологического периода. Совокупность показателей, отличающих уже ранние погребения тюрок Минусинской котловины, имеет устойчивые аналогии в материалах развитого и особенно позднего этапов булан-кобинской культуры Алтая хуннуско-сяньбийского времени (II–V вв. н. э.). Представим эти схожие черты более подробно.

Для некрополей булан-кобинской культуры Алтая характерно компактное расположение курганов вплотную друг к другу. В ряде случаев смежные надмогильные конструкции образуют сооружения, напоминающие по форме «соты» [Соенов, 2003.

С. 30; Матренин, 2005б. С. 111–112]. Такая ситуация весьма последовательно фиксируется в материалах комплексов позднего этапа данной общности (см.: [Соенов, Эбель, 1992; Соенов, 2000; Тишкин, Горбунов, 2003. С. 460] и др.). Одним из вариантов оформления наземных конструкций у населения булан-кобинской культуры были подквадратные ограды. Подобные конструкции отмечены в ходе раскопок могильников Дялян [Соенов, 2003. С. 16], Кальджин VI [Молодин и др., 2004. С. 159–160], Кок-Паш [Бобров и др., 2003. Рис. 4, 7, 24, 25], Курайка [Слюсаренко и др., 2008] и др.

Достаточно распространенной формой погребального ритуала на развитом и позднем этапах существования булан-кобинской культуры Алтая было захоронение человека в сопровождении лошади при ориентировке умерших в западный сектор горизонта. Животное, нередко положенное на бок, находилось слева или справа от человека на одном с ним уровне или на невысокой приступке. В ряде случаев человек был помещен в подбое. Такая картина, весьма схожая с традициями погребального ритуала населения «минусинского» локального варианта, зафиксирована на могильниках Верх-Уймон [Соенов, Эбель, 1992; Соенов, 2000], Катанда I [Гаврилова, 1965. С. 54], Степушка I [Кирюшин и др., 2011], Чендек [Соенов, Эбель, 1992] и др., датирующихся в рамках IV–V вв.

Важно отметить, что обозначенная совокупность признаков погребального ритуала, характерная для отдельных групп населения булан-кобинской культуры, не получила развития в традициях какой-либо общности раннего Средневековья, за исключением носителей «минусинского» локального варианта. Вместе с тем на территории Среднего Енисея она появляется как будто в уже сложившемся виде. Традиция захоронения по обряду ингумации в сопровождении лошади не имеет корней в рассматриваемом регионе и, очевидно, была принесена в Минусинскую котловину в середине VI в. н. э. какой-то группой населения. Учитывая наличие комплекса схожих признаков, фиксирующихся в материалах раскопок ряда некрополей Алтая IV–V вв. и памятников «минусинского» локального варианта тюркской культуры (планиграфия объектов, отдельные типы наземных и внутримогильных

конструкций, погребальный ритуал), представляется возможным рассматривать предположение о том, что этой пришлой группой были носители булан-кобинской культуры. Отметим, что обозначенным характеристикам наиболее полно соответствуют «айрыдашская» и «верх-уймонская» группы погребений «булан-кобинцев» [Матренин, 2005а, С. 97]¹.

Вопрос о возможной преемственности булан-кобинской и тюркской культур неоднократно и на различном уровне рассматривался многими исследователями. Ранее для его решения привлекались исключительно результаты раскопок на территории Алтая. С одной стороны, анализ результатов исследования памятников обозначенных общностей показывает схожие черты в предметном комплексе [Тишкин, Серегин, 2011. С. 28], а также отдельных характеристиках ритуальных объектов. Однако погребальный обряд носителей булан-кобинской культуры не находит устойчивого продолжения в традициях тюркской культуры. Захоронения с лошадей, создававшиеся населением Алтая хуннуско-сяньбийского времени, серьезно отличаются по ряду признаков от стандартных погребений тюрков раннего Средневековья в данном регионе, а также на сопредельных территориях Тувы и Монголии. Поэтому устойчивая фиксация традиций отдельных групп населения Алтая IV–V вв. в материалах раскопок памятников «минусинского» локального варианта позволяет по-новому рассматривать исторические судьбы «булан-кобинцев».

Одним из центральных сюжетов истории создателей Первого каганата была активная военная экспансия. Известно, что значительную часть войска тюрков составляли за-

¹ Следует признать, что отдельные черты, характеризующие погребальные комплексы «минусинского» локального варианта тюркской культуры, имеют аналогии и в других культурах Алтае-Саянского региона и сопредельных территорий хуннуско-сяньбийского времени. К примеру, «сотовая» планиграфия и захоронения в подбое фиксируются в материалах некрополей кокэльской культуры Тувы. Компактное расположение курганов и наземные прямоугольные конструкции известны в традициях «гаштыкцев» Минусинской котловины. Однако устойчивое соблюдение всего комплекса показателей погребальных сооружений и ритуала отмечено только при исследовании ряда памятников булан-кобинской культуры Алтая.

висимые группы населения, включенные в империю кочевников. Интересную информацию в этом плане предоставляет часто цитируемый фрагмент китайской летописи, в котором сообщается о том, что тюрки «геройствовали в пустынях севера» силами многочисленных племен теле [Бичурин, 1950. С. 301]. Вполне вероятно, что в ходе реализации одной из военных операций, направленных на присоединение Минусинской котловины, были задействованы отдельные группы «булан-кобинцев», вошедших в состав каганата. Такой поход, судя по обоснованной выше хронологии ранних погребений «минусинского» локального варианта тюркской культуры, был осуществлен в середине – второй половине VI в.

Необходимо подчеркнуть, что представленный в настоящей статье вариант реконструкции процессов происхождения «минусинского» локального варианта культуры раннесредневековых тюрок является гипотезой, требующей не только дальнейшей проработки и развернутой аргументации, но также подробного обсуждения и проверки новыми материалами. Очевидна необходимость детального анализа целого ряда проблем, связанных с изучением этнокультурной ситуации на территории Среднего Енисея в середине I тыс. н. э. К примеру, неясным остается соотношение археологических комплексов тюркской и таштыкской культур в Минусинской котловине. Исследование этого вопроса актуально не только в свете имеющихся датировок погребальных памятников, но также учитывая полученные интересные результаты анализа таштыкских миниатюр V–VI вв. с изображениями «рыцарей», соотносимых, по мнению ряда исследователей, с ранними группами тюрок, попавших на Средний Енисей во время их первой широкой экспансии [Савинов, 2008. С. 187–188; Панкова, 2011. С. 117, 138–139]. Не менее актуальным направлением работы остается изучение особенностей последующего развития общности раннесредневековых тюрок на территории Минусинской котловины.

Список литературы

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние

времена. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. 380 с.

Бобров В. В., Васютин А. С., Васютин С. А. Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. 224 с.

Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука, 1965. 146 с.

Кирюшин Ю. Ф., Шмидт А. В., Тишкин А. А., Матренин С. С. Исследование погребальных комплексов эпохи Великого переселения народов в Центральном Алтае (могильник Степушка-1) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

Киселев С. В. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. // Ежегодник гос. музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске. 1929. Т. 4, вып. 2. С. 1–162.

Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб., 2005. 346 с.

Матренин С. С. К вопросу о выделении типов погребений (по материалам памятников Горного Алтая II в. до н. э. – V в. н. э.) // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005а. С. 93–98.

Матренин С. С. Разработка схемы классификации погребальных сооружений кочевников Горного Алтая II в. до н. э. – V в. н. э. // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2005б. С. 105–119.

Митько О. А., Тетерин Ю. В. О культурно-дифференцирующих признаках древнетюркских погребений на Среднем Енисее // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. Т. 1. С. 396–403.

Молодин В. И., Полосьмак Н. В., Новиков А. В., Богданов Е. С., Слюсаренко И. Ю., Черемисин Д. В. Археологические памятники плоскогорья Укок (Горный Алтай). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 255 с.

Нестеров С. П. Таксономический анализ минусинской группы погребений с конем // Проблемы реконструкций в археологии. Новосибирск: Наука, 1985. С. 111–121.

Панкова С. В. Воины таштыкских миниатюр: возможности атрибуции // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию

Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 117–141.

Поселянин А. И., Киргиников Э. Н., Тараканов В. В. Исследование средневекового могильника Белый Яр II // *Евразия: культурное наследие древних цивилизаций*. Новосибирск, 1999. Вып. 2. С. 88–116.

Савинов Д. Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) // *Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции*. Томск: Изд-во «Аграф-Пресс», 2008. С. 185–190.

Серегин Н. Н. Погребальный ритуал кочевников тюркской культуры Саяно-Алтая // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология*. 2010. Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. С. 171–180.

Серегин Н. Н. К проблеме происхождения «минусинского» локального варианта тюркской культуры // *Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями*. СПб.: Изд-во ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 536–541.

Слюсаренко И. Ю., Богданов Е. С., Соенов В. И. Новые материалы гунно-сарматской эпохи из Горного Алтая (могильник Курайка) // *Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири*. Горно-Алтайск, 2008. Вып. 7. С. 42–57.

Соенов В. И. Результаты раскопок на могильнике Верх-Уймон в 1999 году // *Древности Алтая*. Горно-Алтайск, 2000. № 5. С. 48–62.

Соенов В. И. Археологические памятники Горного Алтая гунно-сарматской эпохи (описание, систематика, анализ). Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. 160 с.

Соенов В. И., Эбель А. В. Курганы гунно-сарматской эпохи на Верхней Катуні. Горно-Алтайск, 1992. 116 с.

Тишкин А. А., Горбунов В. В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // *Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2003. Т. 9. С. 488–493.

Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Предметный комплекс из памятников кызыл-ташского этапа тюркской культуры (2-я половина V – 1-я половина VI в. н. э.): традиции и новации // *Теория и практика археологических исследований*. Барнаул, 2011. Вып. 6. С. 14–32.

Худяков Ю. С. Древнетюркское погребение на могильнике Терен-Кель // *Гуманитарные науки в Сибири*. 1999. № 3. С. 21–26.

Худяков Ю. С. Древние тюрки на Енисее. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. 152 с.

Материал поступил в редколлегию 14.01.2014

N. N. Seregin

*Altai State University
61 Lenin Ave., Barnaul, 665049, Russian Federation*

nikolay-seregin@mail.ru

SPECIFIC FORMATION OF «MINUSINSK» LOCAL VARIANT OF EARLY MEDIEVAL TURKIC CULTURE: EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION

Purpose: The article deals with reconstructing formation processes of «Minusinsk» local variant of the medieval Turk's archaeological culture. The sites dated by the 2nd half of 1,000 AD in the Central Yenisei Basin have been known from the XVIII century and a lot of research publications are devoted to them. However, many aspects of Nomad's history of this community in the region have been studied very fragmentarily. Our research is based on the archaeological materials, in particular, on the results of the early Turks funeral complexes excavations. The most important objects for solving the problem of the «Minusinsk» local variant origin are those of Minusinsk Depression

dated by the middle of 1,000 AD. The issues resolved need thorough comparative analysis of the numerous archaeological materials received during works in adjacent territories.

Results: The analysis of one subject complex from the burials of early medieval Turks in Minusinsk Depression allowed allocating the early group of sites. The chronology of these objects is defined within the 2nd half of VI – the 1st half of the VII centuries. These complexes illustrate the formation of the «Minusinsk» local variant. The sites of this period in Minusinsk Depression, as well as in adjacent territories, are not numerous. In the Middle Yenisei Basin such objects were dug out on Ust-Tes, Belyi Yar-II, Teren-Kel sites. Taking into account that in Minusinsk Depression the tradition of burying a person with a horse has no roots, it was obviously introduced from outside as it is. The characteristics of the funeral ceremony in the «Minusinsk» local variant are essentially similar to those observed with Bulan-Koby culture of Altai in Hiunnu-Sarmatian time. Close analogies are observed in traditions of the funeral construction and in the burial ritual. The results obtained during studying the archaeological materials are correlated with the data of written sources.

Conclusion: The «Minusinsk» local variant was formed in the middle of the VI century AD. It might have become one of the results of a military operation organized with the assistance of the population belonging to Bulan-Koby culture. This population had apparently entered the community of the early medieval Turks but preserved some indicative elements of their own funeral practice. The approach to reconstructing the formation processes of «Minusinsk» local variant provided in this article is just a hypothesis for further study, which demands further argumentation together with detailed analysis and is to be verified by new findings. For instance, the correlation of Turkic archaeological complexes and Tashtyk culture objects in Minusinsk Depression is still not absolutely clear. It is a topical issue for research not only concerning the dates of funeral sites available, but also considering the interesting results of Tashtyk miniatures of the V–VI centuries with the images of some «knights». The latter can be considered the early group of the Turks who had come into the Middle Yenisei Basin during their first broad expansion.

Keywords: Sayan-Altai region, Minusinsk hollow, Early-Middle Ages, Turkic culture, local variant, burials, subject complex, reconstruction.

References

Bichurin N. Ya. *Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena* [Collection of Data on the People Living in Central Asia in Ancient Times]. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1950, vol. 1, 380 p. (in Russ.)

Bobrov V. V., Vasyutin A. S., Vasyutin S. A. *Vostochnyi Altai v epokhu velikogo pereseleniya narodov* [East Altai during an Era of Great Resettlement of the People]. Novosibirsk, IAE Publ., 2003, 224 p. (in Russ.)

Gavrilova A. A. *Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen* [Burial Ground Kudyrge as a Source on History of the Altai Tribes]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1965, 146 p. (in Russ.)

Kiryushin Yu. F., Shmidt A. V., Tishkin A. A., Matrenin S. S. *Issledovanie pogrebal'nykh kompleksov epokhi «velikogo pereseleniya narodov» v Central'nom Altae (mogil'nik Stepushka I)* [Research of Funeral Complexes of an Era of «Great Resettlement of the People» in the Central Altai (A Burial Ground Stepushka I)]. *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e i na Altae. 2010 g.: Arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya* [Field Researches in the Upper Stream of Ob River and in Altai. 2010: Archaeology, Ethnography, Oral History]. Barnaul, 2011, iss. 7, p. 92–98. (in Russ.)

Kiselev S. V. *Materialy arkheologicheskoi ekspeditsii v Minusinskii krai v 1928 g.* [Materials of archaeological expedition to Minusinsk region in 1928]. *Ezhegodnik gos. muzeya im. N. M. Mart'yanova v g. Minusinske* [Year-Book of the State Museum of N. M. Martyanov in Minusinsk], 1929, vol. 4, iss. 2, p. 1–162. (in Russ.)

Klyashtornyj S. G., Savinov D. G. *Stepnye imperii drevnei Evrazii* [Steppe Empires of Ancient Eurasia]. St.-Petersburg, 2005, 346 p. (In Russ.)

Matrenin S. S. *K voprosu o vydelenii tipov pogrebenii (po materialam pamyatnikov Gornogo Altaya II v. do n. e. – V v. n. e.)* [To a Question of Allocation of Types of Burials (On Materials of

Sites of Mountain Altai II Century BC – V Century AD)]. *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in the Ancient Time]. Barnaul, 2005a, p. 93–98. (in Russ.)

Matrenin S. S. Razrabotka skhemy klassifikatsii pogrebal'nykh sooruzhenii kochevnikov Gornogo Altaya II v do n. e. – V v. n. e [Development of the Scheme of Classification of Funeral Constructions of Nomads of Mountain Altai in II Century BC – V Century AD]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri* [Studying of Historical and Cultural Heritage of the People of Southern Siberia]. Gorno-Altaysk, 2005b, p. 105–119. (in Russ.)

Mit'ko O. A., Teterin Yu. V. O kul'turno-differentsiruyushchikh priznakakh drevnyeturkskikh pogrebenii na Srednem Enisee [About Cultural Differentiating Signs the Ancient Turk Burials on Central Yenisei]. *Sibir' v panorame tysyacheletii* [Siberia in a Panorama of the Millennium]. Novosibirsk, IAE Publ., 1998, vol. 1, p. 396–403. (in Russ.)

Molodin V. I., Polosmak N. V., Novikov A. V., Bogdanov E. S., Slyusarenko I. Yu., Cheremisin D. V. *Arkheologicheskie pamyatniki ploskogor'ya Ukok (Gornyi Altai)* [Archaeological Sites of Ukok Plateau (Mountain Altai)]. Novosibirsk, IAE Publ., 2004, 255 p. (in Russ.)

Nesterov S. P. Taksonomicheskii analiz minusinskoi gruppy pogrebenii s konem [The Taxonomical Analysis of Minusinsk Group of Burials with a Horse]. *Problemy rekonstruktsii v arkheologii* [Problems of Reconstruction in Archaeology]. Novosibirsk, Nauka, 1985, p. 111–121. (in Russ.)

Pankova S. V. Voiny tashtykskikh miniatyur: vozmozhnosti atributsii [Soldiers of Tashtyk's Miniatures: Possibilities of Attribution]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii* [Ancient Art in an Archaeology Mirror]. Kemerovo, Kuzbasizdat Publ., 2011, p. 117–141. (in Russ.)

Poselyanin A. I., Kirginekov E. E., Tarakanov V. V. Issledovanie srednevekovogo mogil'nika Belyi Yar-II [Research of a Medieval Burial Ground Bely Yar-II]. *Evraziya: kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii* [Eurasia: Cultural Heritage of Ancient Civilizations]. Novosibirsk, 1999, iss. 2, p. 88–116. (in Russ.)

Savinov D. G. Rannie tyurki na Enisee (arkheologicheskii aspekt) [Early Turkic Peoples on Yenisei (Archaeological Aspect)]. *Vremya i kul'tura v arkheologo-etnograficheskikh issledovaniyakh drevnikh i sovremennykh obshchestv Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh territorii: problemy interpretatsii i rekonstruktsii* [Time and Culture in Archaeological and Ethnographic Researches of Ancient and Modern Societies of Western Siberia and Adjacent Territories: Interpretation and Reconstruction Problems]. Tomsk, 2008, p. 185–190. (in Russ.)

Seregin N. N. K probleme proiskhozhdeniya «minusinskogo» lokal'nogo varianta tyurkskoi kul'tury [To the Problem of an Origin of «Minusinsk» Local Variant of Turkic Culture]. *Kul'tury stepnoi Evrazii i ikh vzaimodeistvie s drevnimi tsivilizatsiyami* [Cultures of Steppe Eurasia and Their Interaction with Ancient Civilizations]. St.-Petersburg, Periferiya Publ., 2012, vol. 2, p. 536–541. (in Russ.)

Seregin N. N. Pogrebal'nyi ritual kochevnikov tyurkskoi kul'tury Sayano-Altaya [Funeral Ritual of Nomads of Turk Culture of Sayan-Altai]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 2010, vol. 9, iss. 5: Archaeology and Ethnography, p. 171–180. (in Russ.)

Slyusarenko I. Yu., Bogdanov E. S., Soenov V. I. Novye materialy gunno-sarmatskoi epokhi iz Gornogo Altaya (mogil'nik Kuraika) [New Materials of a Gunno-Sarmatian Era from Mountain Altai (Burial Ground Kuraika)]. *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri* [Studying of Historical and Cultural Heritage of the People of Southern Siberia]. Gorno-Altaysk, 2008, iss. 7, p. 42–57. (in Russ.)

Soenov V. I. Rezul'taty raskopok na mogil'nike Verkh-Uimon v 1999 godu [Results of Excavation on a Burial Ground of Verkh-Uymon in 1999]. *Drevnosti Altaya* [Antiquities of Altai]. Gorno-Altaysk, 2000, iss. 5, p. 48–62. (in Russ.)

Soenov V. I. *Arkheologicheskie pamyatniki Gornogo Altaya gunno-sarmatskoi epokhi (opisanie, sistematika, analiz)* [Archaeological Sites of Mountain Altai of a Gunno-Sarmatian Era (Description, Systematization, Analysis)]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai State Univ. Publ., 2003, 160 p. (in Russ.)

Soenov V. I., Ebel' A. V. *Kurgany gunno-sarmatskoi epokhi na Verkhnei Katuni* [Barrows of a Gunno-Sarmatian Era on the Top Katun]. Gorno-Altaysk, Gorno-Altai State Univ. Publ., 1992, 116 p. (in Russ.)

Tishkin A. A., Gorbunov V. V. Issledovaniya pogrebal'no-pominal'nykh pamyatnikov kochevnikov v Central'nom Altai [Researches of Funeral and Ritual Sites of Nomads in the Central Altai].

Problemy arkheologii, etnografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii [Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories], 2003, vol. 9, p. 488–493. (in Russ.)

Tishkin A. A., Seregin N. N. Predmetnyi kompleks iz pamyatnikov kyzyl-tashskogo etapa tyurkskoi kul'tury (2-ya polovina V – 1-ya polovina VI v. n. e.): traditsii i novatsii [Subject Complex from Sites of a Kyzyl-Tashs Stage of Turk Culture (The 2nd Half of V – the 1st Half of VI Centuries AD): Traditions and Innovations]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological researches]. Barnaul, 2011, iss. 6, p. 14–32. (in Russ.)

Khudyakov Yu. S. Drevnetyurkskoe pogrebenie na mogil'nike Teren-Kel' [Ancient Turkic Burial on a Burial Ground Teren-Kel]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [The Humanities in Siberia], 1999, iss. 3, p. 21–26. (in Russ.)

Khudyakov Yu. S. *Drevnie tyurki na Enisee* [Ancient Turkic Peoples on Yenisei]. Novosibirsk, IAE Publ., 2004, 152 p. (in Russ.)